

Многоликая модернизация

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОНИМАНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В. Г. Федотова* (г. Москва)

Аннотация: В статье рассматриваются новые научные подходы к проблеме модернизации разных стран. Если классическая модернизационная теория рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, то новая концепция множества модернизаций считает различия в модернизации разных стран закономерными и отрицает единый образец. Оптимальным является вариант национальной модели модернизации, когда на основе уже достигнутого уровня вестернизации – освоения западных образцов – государство обращается к нуждам национального развития, к задачам развития своего общества.

Ключевые слова: модернизация, вестернизация, глобализация, модели развития, многообразие, национальная модель, адаптация, культура.

NEW TENDENCIES IN UNDERSTANDING OF THE MODERNISATION

V. G. Fedotova

Abstract: A new representations of the problem of modernisation of the countries is considered in the article. While the classical theory of modernisation considers the West as the only sample of modernisation for countries, the new concept of set of modernisations considers distinctions in modernisation of different countries natural and denies the uniform sample. The most optimal variant of national model of modernisation is the one when the state addresses the needs of national development, the goals of social development on the basis of existing level of a westernisation – development on the western samples.

Keywords: Modernisation, westernisation, globalisation, development models, variety, national model, adaptation, culture.

---

* Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором социальной философии Института философии Российской академии наук, академик РАЕН.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/92-tendencies.html

Многие иллюзии относительно завершения эпохи модерна сегодня исчезли после того, как весь мир устремился к развитию, воспроизводя ценности модернизма и забывая о недавней постмодернистской иронии по этому поводу¹.

Многообразие моделей развития

Долгое время догоняющая модель развития считалась ведущей и едва ли не единственной. Речь шла о попытке незападных стран равняться на Запад и стремиться догнать его в своем развитии.

Приведем мнение С. Хантингтона, который указывает на возможность нескольких путей развития².

Один путь — *вестернизация без модернизации*. Многим подобная возможность представляется сомнительной, т.к. вестернизация и модернизация тесно взаимосвязаны. Трудно представить себе вестернизацию без модернизации, равно как модернизацию без вестернизации. Между тем, эмпирически известно наличие подобного опыта. Вестернизация без модернизации характеризует внешнее, иногда операциональное усвоение западного опыта при отсутствии восприятия принципов и культурных особенностей западной жизни. Она связана с разрушением собственных культурных традиций общества без их хотя бы частичного заполнения заимствованными образцами. Такое общество называется разрушенным традиционным обществом, не перешедшим на следующую ступень развития. По такому пути пошли Египет, Филиппины. Казалось бы, на Филиппинах было американское присутствие, способствующее заимствованию американского опыта и образа жизни, но там не родилось отношений, похожих на западный капитализм. Напротив, сформирова-

ровались самые непродуктивные общества. Египет и Филиппины находятся в бедственном положении.

Второй путь — это *модернизация без вестернизации*. Поскольку классические модернизации всегда сопровождаются вестернизацией, этот способ развития стал принципиально новым. Иногда его называют постмодернизацией. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Они модернизировались, не меняя своей идентичности. Американский оккупационный режим в Японии после Второй мировой войны потребовал распада коллективных структур как проводников милитаристского сознания, и либерализация началась, но она привела просто к разрушению традиционного общества. В 50-е годы японские социологи выдвинули другую программу: не ломать традиционные структуры японского общества, а изменять цели государство, поскольку общинные структуры очень хорошо проводят государственное воздействие. Они имеют иерархическую пирамидальную структуру и управляющее воздействие, поступая на вершину пирамиды, легко спускается вниз. Иногда Японией управляло всего десять чиновников. Японцы провели реформу, отказавшись от либерализации, поддержали имеющуюся коллективную продуктивность (термин А. Кара-Мурзы). Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели. Здесь не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Они поступили, как древнегреческий законодатель Солон. Когда его спрашивали, мудрые ли законы он придумал, он отвечал, что его законы мудры, потому что народ по ним может жить. А если вводятся законы, по которым народ не привык и не может жить, основанные на предположении, что народ надо из-

менить, рекультивировать, чтобы он мог следовать новым законам, то мало что может получиться.

Японцы модернизировались на собственной культурной основе, то есть они, не меняясь культурно, производили современные вещи, провели технологическую революцию. Многие, однако, говорят, что стагнация Японии 90-х годов — следствие недостаточной вестернизации. Японцы производят то, что им самим в жизни не очень нужно, большинство населения живет в прежнем мире. Этот опыт относительно успешен, но, как представляется, ограничен в своих возможностях.

Третья форма развития, показывает Хантингтон, — *догоняющее развитие*, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и другие страны. Но и эта модель, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге заводит в тупик. Он возникает, во-первых, из-за уже упомянутой особенности ускоренной трансформации Запада сегодня, не позволяющей установить, какую фазу развития Запада надо догонять. И второе: если рекультивация, то есть элемент вестернизации, отрицания собственной культуры осуществляется очень быстро или является чрезвычайно оскорбительной по своей манере, то неизбежны откаты назад. Неудачи российских реформ в 1990-е наглядно иллюстрируют данный тезис, показывая опасности если не возврата к прежним формам правления, то к новым формам социальной деструкции и маргинализации.

Наиболее адекватной формой развития обществ Хантингтону представляется модель модернизации, которую я называю *национальной*, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении это-

го уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России — это перенятие экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. На Западе есть много книг, в которых говорится, что демократия будет трансформироваться, потому что она не является вечным спутником западного капитализма. Вестфальская мировая система после тридцатилетней войны дала миру систему национальных государств, о демократии речь не шла. А потом в Америке после Филадельфийского конгресса возникла Филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. И сейчас происходит не только трансформация Вестфальской системы, но и трансформация Филадельфийской системы в связи с глобализацией. Скажем, такой очень известный автор, как Т. Иногучи написал и статьи, и книги о том, что демократия на самом Западе тоже трансформируется, что фетиш демократии сегодня не может стать основанием для преобразований³. Но все-таки, если мы хотим жить в демократическом обществе, а мы можем этого хотеть, то можем перенимать пока еще существующие западные институциональные структуры: демократические, управленческие, экономические, образовательные — все, что нам представляется ценным, мы можем брать, никто и ничто этого не запрещает, но мы не можем сказать, что мы догоняем Запад или развиваемся по западной модели, потому что Запад сам трансформируется.

Итак, по мнению Хантингтона, надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти *к национальной модели модернизации* или иначе, к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами, т.е. нуждами данного общества. Национальный в данном контексте понимается не как этно-центристский, а как соответствующий интересам основной геополитической

тической единицы современности — национальному государству. *Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития.* Эта мысль Хантингтона, воспринимаемая как самая сомнительная часть его концепции возможного столкновения цивилизаций, вызвавшей серьезное сопротивление, вскоре была подтверждена как новым характером социальных изменений, так и новыми концепциями. Среди них, концепция одного из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне⁴.

К этой мысли можно было прийти и раньше. Мало кому удалось «догнать» Запад. Даже Германия заплатила такую цену, как Первая и Вторая мировые войны, чтобы, находясь в середине Европы, стать лишь в конце XX века Западом по сущности своей культуры. Причем, и сегодня наблюдаются существенные различия между восточной (бывшей ГДР) и западными частями единого немецкого государства, лишь частично обусловленные коммунистическим прошлым ГДР и во многом связанные с культурным отличием прусских земель от остальной части Германии. Португалия, Италия, Испания становились западными очень болезненно и долго. Никто из других регионов мира не превратился в Запад и не может превратиться. Утверждение о единственности западного пути означает, что развитие на основе догоняющей модели и вестернизация должны быть продолжены. Может быть, такой выбор возможен до определенных пор, пока мы не осознаем, что у страны есть свои,

отличные от Запада задачи, что некоторые наши особенности не позволяют нам превратиться в Запад, как бы мы того ни хотели. Такая перспектива, по крайней мере, не единственная. Вьетнам, например, не собирается стать Западом, и японцы, которые с революции Мейдзи вестернизировались, не считают, что они должны имитировать Запад до такой степени, чтобы отказаться от своей культуры. Поэтому оба утверждения: «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным» представляются неправильными. Западный вектор развития сегодня — это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д. За века послепетровской модернизации Россия в значительной мере продвинулась в этом направлении, но еще нуждается в освоении ряда западных достижений, хотя все равно не станет Западом. Чтобы понять, что нужно России, имеет смысл затронуть некоторые идеи тех, кого мы привыкли считать почвенниками и славянофилами.

В чем же отличие сегодняшнего утверждения о многообразии модернизмов и переходе к национальным моделям модернизации от прежнего несовпадения требований классической модернизационной теории и результатов ее применения, имевших национальную специфику? Отличие в том, что классическая модернизационная теория рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицает единый образец. Сегодня предложен вариант новой западной модернизации в политической сфере (концепция третьего пути Э. Гидденса), но во-

прос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, является дискуссионным.

Национальная модель модернизации в Китае

Многие неолибералы не приемлют этих новых идей. Однако в появлении национальной модели модернизации можно увидеть один из главных тупиков неолиберализма. Распад коммунизма способствовал началу глобализации. Если в рамках Запада функционирование капитала возвращало его социальную субстанцию, то при глобальном распространении капитализма капитал потерял цивилизующую миссию, перестал, как показал А. И. Фурсов в работе «Колокола истории», заботиться о социальной субстанции и начал интересоваться только функцией капитала, обогащением, ростом капитала, безотносительно к социальной и культурной среде его функционирования. Капитализм из западного — веберовского, основанного на протестантской этике, на заимствовании его рациональности в инорелигиозных странах Запада, из дюркгеймовского, основанного на разделении труда и перехода от механической солидарности к органической превратился в зомбартовский, основанный на чем угодно — на честном труде, на нечестной наживе, на грабеже, войне и пр. Если раньше капитализм перемалывал чужие (незападные) культуры, то теперь эти культуры перемалывают капитализм, беря из капитализма экономический механизм почти так же, как автомобиль.

Можно говорить как о тупиках о том, что внутри США неолиберализм породил неоконгов и Дж. Буша, а в посткоммунистических странах он породил неспособность приспособиться к радикализму требований догоняющей Запад модернизации и к последующим откатам к автохтонным формам раз-

вития, что он перестал заботиться об адекватной социальной и культурной среде производства капитала. Но самый неожиданный итог самонадеянности – это исчезновение различий между Западом и незападом, которое предсказывается в качестве возможности Национальным разведывательным Советом США в том смысле, что Запад станет одним из автохтонных капитализмов, небольшим островом в море разнообразных хозяйственных, культурных и цивилизационных систем.

Главный тупик неолиберализма — приспособление стран незападного разума к западным технологиям, возможно в будущем к элементам политической системы Запада, и итог — возможное вытеснение Запада и глокализация — термин, означающий равные шансы глобализации (всемирной победы либерализма) и локализации, как показано В. Г. Федотовой, в форме освоения хозяйственных и технологических систем Запада в качестве подчиненных локальным культурам и цивилизациям⁵.

Примером национальной модели модернизации можно считать китайское развитие.

На наш взгляд, дело объясняется тем, что *китайцы при выборе модернизационной модели учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и пр.* Руководство страны принимало во внимание и численность населения (более одного миллиарда человек), и низкий стартовый экономический уровень, и отсутствие достаточного количества природных ресурсов, и явный недостаток грамотных кадров. Поэтому необходимо было единое централизованное руководство, т.е. авторитарный режим. Одновременно китайское руководство понимало, что модернизация — это не одномоментное действие, а длительный процесс. Следует сказать, что успех реформ в Китае обеспечивал наличие коллектива едино-

мышленников, на деле заинтересованных в процветании своей страны. Во главе его стоял незаурядный человек – Дэн Сяопин. Реформы в Китае начались с реформы экономики — производственных отношений в деревне. При этом постепенно шел и процесс реформирования теоретических представлений – в начале реформ говорили о возвращении к плановым принципам социалистической экономики, которые были извращены в период «культурной революции», затем — об использовании рынка, но при господстве плана, и только потом появился термин «социалистическая рыночная экономика». *Методология китайских реформ — постепенность и учет национальных условий.* Это – «золотое правило реформ», отличающее их от революций: согласовать скорость реформ со способностью людей адаптироваться к ним.

Широкую известность получили работы Ту Вэймина о национальной модернизации в Китае⁶.

Этот исследователь отмечает важность конфуцианских установок элит и народа для экономики и моральной атмосферы в Китае. Он показывает, что Китай не просто бросился в омут бесконечных преобразований, но, следуя за японцами, внимательно обсудил, как надо отнестись к антиномиям развития «сельское хозяйство или промышленность», «капитализм или социализм», «восточная культура или западное образование» с точки зрения перспектив конкуренции Китая с западными странами. Мы далеки от преувеличения китайских достижений, хотя они велики, но важно то, что идея способности конкурировать с Западом, а не догонять его, осознания непреодолимости своей культурной специфики, а так же постановка актуальной задачи борьбы с голодом и вызванные этим приоритеты реформы сельского хозяйства могут быть охарактеризованы как национальная модель модернизации Китая. «Мы находимся в довольно сложном положении, — пишет Ту Вэймин, — нам

предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: «традиционное – современное», «западное – незападное», «локальное – глобальное». Действительно, Запад сам нуждается в традиции, чтобы перейти в новую современность, а незападные общества в любом случае не способны рекультивироваться полностью. Ту Вэймин пишет: «Азиатские интеллектуалы более столетия внимательно присматривались к западным учениям. Японские самураи-бюрократы, например, методично заимствовали у европейцев, а позже и американцев, приемы науки, технологии, политического управления. Аналогичным образом китайские ученые-чиновники, корейские «лесные интеллектуалы» и вьетнамские мудрецы создавали свои нынешние социумы на основе западных знаний. Приверженность масштабной, а порой и всеобъемлющей вестернизации позволила им перестроить экономику, политику, общественную систему согласно тем образцам, которые они... считали более передовыми»⁷.

Однако азиатские страны нуждались в адаптации этих инноваций к собственной культуре, и не продолжающаяся вестернизация, а синтез ее результатов с местными условиями оказался достаточно продуктивным, и по мнению цитируемого автора, показывающими устарелость отмеченных им антиномий. Он с трудом удерживается от утверждений, что конфуцианские ценности могли бы быть полезными сегодня Западу, хотя допускает такую возможность, но настаивает на плюрализме модернизационных проектов.

Соглашаясь с этой мыслью, мы не имеем возможности обсудить российский модернизационный проект. Ясно, что для его осуществления необходим как некий уровень вестернизации, накопленный страной, так и поворот к собственным коренным проблемам.

¹ См.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества.: Культурная революция. 2008.

² Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. N. Y., P. 75.

³ The Changing Nature of Democracy. Ed. By Inoguchi T., Newman E., Rtane J. Tikio, N. Y.–Paris: United Nations University Press. 1998.

⁴ Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. Winter 2000. Vol. 29, № 1. P. 3—29.

⁵ См.: Федотова В.Г. Будущее капитализма в исторической перспективе // Политический класс. 2006, № 8; Федотова В.Г. Этика капитализма // Политический класс. 2007, № 1.

⁶ Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии. – В кн.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. 2002. С.236 – 250.

⁷ Там же. С. 243 –244.